

НОВАЯ КЛИНООБРАЗНАЯ НАДПИСЬ ИЗ КАРМИР-БЛУРА

Н. В. АРУТЮНЯН

Археологические раскопки, систематически проводимые на Кармир-блуре совместной экспедицией Института археологии и этнографии Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа (Ленинград) под руководством члена-корреспондента АН АрмССР Б. Б. Пиотровского, в 1961 г. ознаменовались новыми ценными находками. Среди них представляет особый интерес клинообразная надпись, обнаруженная 28-го июля в центре цитадели, около восточного склона холма.

Примечателен тот факт, что наша надпись является лишь третьей (две остальные—фрагменты) лапидарной надписью, обнаруженной при раскопках урартской крепости Тейшебани (здесь, конечно, мы не имеем в виду глиняные клинописные таблички). Обломок первой надписи был обнаружен геологом А. П. Демёхиным на юго-восточном склоне холма еще в 1936 году, в связи с чем и было впервые привлечено внимание научного мира к Кармир-блuru. В 1939 г. проф. К. Г. Кафадаряном был найден еще один фрагмент, содержащий, повидному, элементы формулы проклятия¹.

Обнаруженная новая надпись (73×43) высечена на базальтовом камне и содержит изумительно сохранившийся клинообразный текст в 11 строках. Строки надписи разграничены аккуратно проведенными линиями. Обратная сторона камня совсем не обработана. Это намекает, очевидно, на то, что он был установлен в стене одного из помещений цитадели.

Несмотря на тот факт, что камень сохранился полностью, а клинописный текст дошел до нас, можно сказать, без повреждения, тем не менее изучение надписи представляет определенную трудность. Это объясняется, во-первых, тем, что даже беглое ознакомление с надписью сразу показывает, что отсутствуют начало, конец и левая часть ее, т. е. недостает, по крайней мере, по одному камню сверху и снизу и соответственно—трех камней с левой стороны. Поэтому вполне очевидно, что здесь мы имеем дело с правосторонним средним камнем и, следовательно, наша надпись была высечена по мень-

¹ К. Кафадарян, Раскопки Кармир-блuru (1939). „Известия“ Арм.ФАН СССР, 1940. № 3, стр. 27—29.

шей мере на шести соответствующих камнях. С другой стороны, публикуемая надпись отличается весьма своеобразным словарным фондом: к тому же если даже некоторые слова и выражения ее встречаются редко в других надписях, тем не менее они не поддаются точному толкованию и переводу.

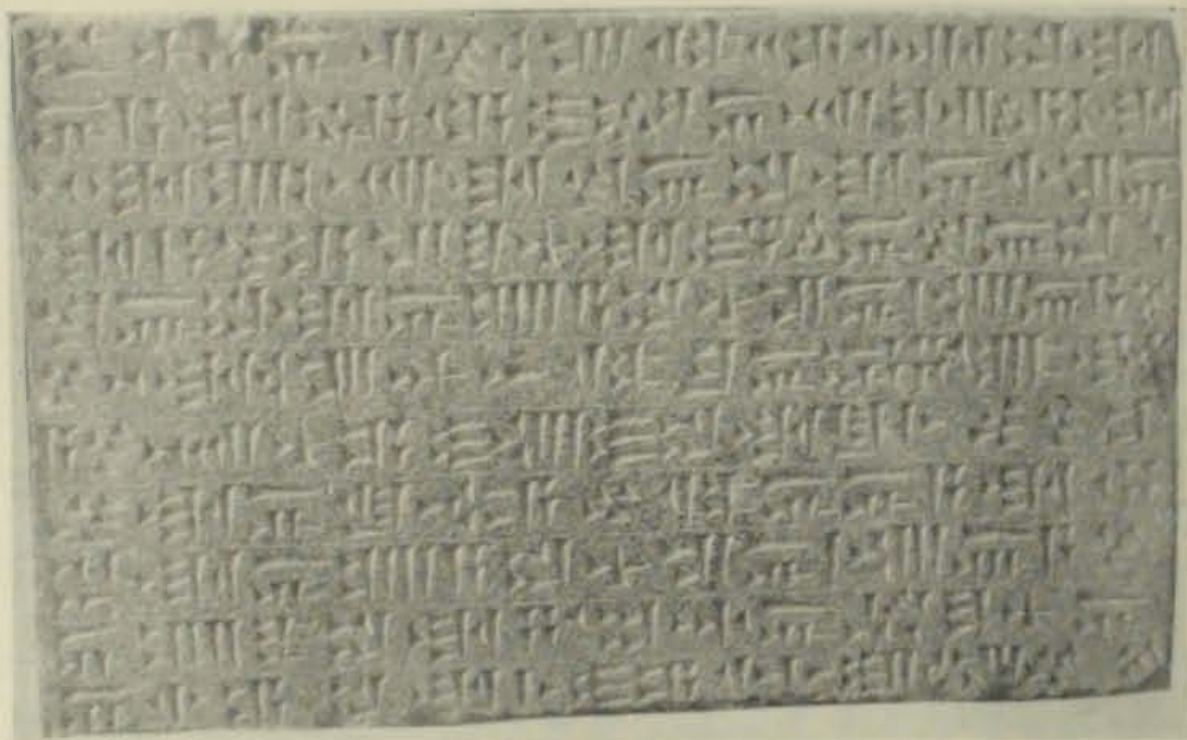

Рис. 1. Новая надпись из Кармир-блур.

Имеется некоторое основание для отнесения этой новой надписи и вышеупомянутых фрагментов, обнаруженных ранее на Кармир-блуре, к одному и тому же пространному тексту. Об этом говорят, прежде всего, одинаковые палеографические особенности (ассирийская форма клинописи—пересечение вертикальных клиньев горизонтальными). Затем, фрагмент надписи 1936 г. и публикуемая надпись, как-будто, принадлежат одному и тому же (?) урартскому царю Руса. Однако следует обратить внимание на тот весьма важный факт, что если на фрагменте надписи 1936 г. вполне ясно указывается, что она была составлена урартским царем Руса II (VII в. до н. э.), то в новонайденной надписи фигурирует, хотя и дважды, лишь имя урартского царя Руса, без единого указания на его отчество. Следовательно, пока-что нет веского основания для отнесения этой надписи именно к царю Руса II, т. е. Руса, сыну Аргишти. Поэтому наличие здесь как Руса II, так и, равным образом, Руса III и Руса IV² представляется нам вполне закономерным. Итак, принадлежность данной надписи, по

² Н. В. Арутюнян, К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур. „Историко-филологический журнал“, Академии наук АрмССР, 1960, № 1, стр. 223—229.

высказанным выше соображениям, следует пока что считать не окончательно установленной. На этот вопрос, по-видимому, может пролить свет лишь обнаружение в дальнейшем остальных камней с клинописью этого большого текста.

Таким образом, в силу вышеупомянутых обстоятельств, публикация данной надписи может быть лишь предварительной. По мере обнаружения в будущем других отрывков надписи несомненно выяснится общее содержание этого весьма интересного текста.

В личной библиотеке проф. Б. Б. Пиотровского в Ленинграде мы ознакомились с одной статьей английского урартовела П. Хюлена, в которой опубликована новая урартская надпись, происходящая из Адильджеваза и хранящаяся в настоящее время в Ванском музее³. Проф. Б. Б. Пиотровский и мы обратили внимание на тот весьма важный факт, что Адильджеваская надпись имеет удивительное сходство с нашей надписью. Дальнейшее изучение этой надписи показало, что она так же, как и наша надпись, высечена ассирийским пошибом письма и составлена урартским царем Руса (опять-таки без указания

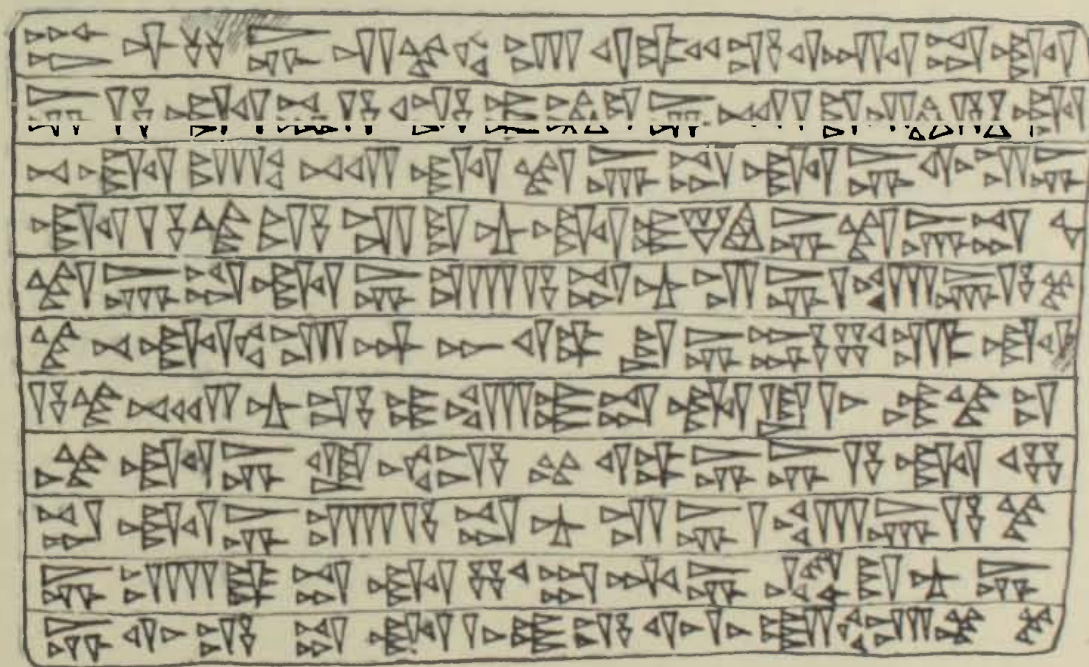

Рис. 2. Автография надписи из Кармир-блур.

на его отчество). При этом Адильджеваская надпись привлекает внимание не только вышеупомянутым обстоятельством и своим словарным фондом, но и тем, что если в публикуемой нами надписи отсутствует начало строк (т. е. левосторонний средний камень; здесь конечно мы уже не говорим об отсутствии других камней), то в Адильджеваской надписи, наоборот, отсутствует конец строк, в то время как начало

³ P. Hulin, New Urartian Inscriptions from Adilcevaz, „Anatolian studies“, vol. IX, 1959, стр. 189—195.

строк сохранилось полностью. Именно это обстоятельство, а также словарный фонд вообще, создает определенные предпосылки для воссоздания в ряде мест, отчасти и для интерпретации, текстов обеих надписей. Вот почему для наглядности мы считаем целесообразным привести ниже также расшифровку и автографию Адильджевазской надписи (автография подготовлена П. Хюленом; фотоснимок не совсем удачный, но приведенная автография нами тщательно рличена с фотоснимком надписи).

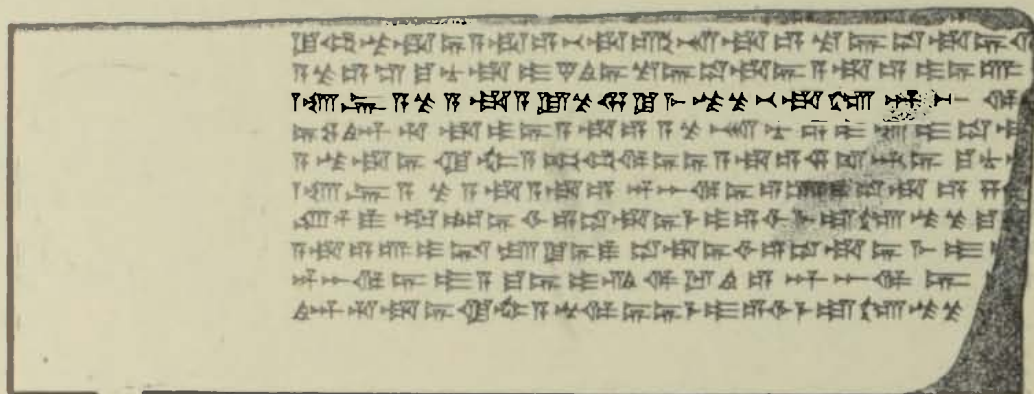

Рис. 3. Автография надписи из Адильджеваза (P. Hulin)

Перейдем к расшифровке и интерпретации обнаруженного на Кармир-блуре отрывка надписи.

Первая строка текста начинается со знака, имеющего слоговые значения *tak*, *taq*, *tag*, *Sum*. Имея в виду наличие следующих за ним слов, которые нам известны также по другим урартским надписям, мы склонны этому знаку придать не слоговое, а идеографическое значение, с возможным восприятием *TAG*⁴ „жертвовать“, „пожертвование“. К тому же возможность рассмотрения этого знака в слоговом значении—в качестве окончания предыдущего слова, по нашему мнению, полностью исключается и тем, что в урартской клинописи в целом нам неизвестно ни одного слова, которое оканчивалось бы на любой согласный, в том числе на *k*, *q*, *g*, *m* (*tak/q*, *tag*, *Sum*).

Затем в указанной строке имеется знак *bar* (*par*), после чего следуют знаки *za* и *pi*. В связи со знаком *za* следует отметить, что он имеет некоторое повреждение с правой стороны, каковое обстоятельство на первый взгляд может создать впечатление, будто в данном случае мы могли иметь дело с повреждением углового клина, следовательно вместо *za* следует, быть может, расшифровать *ha*. Однако наличие в урартских надписях слова *barzani* (*parzani*) и следующего в этой строке за ним другого слова (о чем ниже)⁵, которые кстати, как пра-

⁴ *TAG*—ур. *urri* (Мхер-Капусинская надпись, стк. 30—31=стк. 4, 93).

⁵ Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960 (далее УКН), 89, стк. 9—10; 142, стк. 3.

вило, выступают вместе, не оставляет никакого сомнения, что в данном случае мы имеем дело именно со знаком za^6 (а не ha), следовательно со словом $barzanî$, значение которого, все же, пока трудно установить, хотя это слово встречается уже в трех урартских надписях.

После указанного слова в первой строке надписи читается $zieldî$ ($zi-el-di$), которое как в нашей надписи, так и в других случаях (УКН, 89, стк. 9; 142, стк. 3), выступает, как правило, со словом $barzanî$. Кроме того, $zieldî$ упоминается также в другой, дефектной Армавирской надписи (УКН, 143, стк. 11)⁷. Значение этого слова во всех этих надписях трудно установить; однако в билингве Руса I из Топузава, очевидно от того же корня, имеется переходный глагол $zield(u)-$, выступающий в I лице единственного числа прошедшего времени ($zieldubi^8$) и, возможно, соответствующий ассирийскому $\dot{u}-si-iq$ (от $sâqu$ „притеснять“, „угнетать“ и т. д.)⁹. Следовательно, быть может, в $zieldi(e)$ мы имеем имя существительное с возможным значением „притеснение“ (?), „угнетение“ и т. п.¹⁰.

После слов $zieldî$ в первой строке надписи упоминается идеограмма LUGĀL с падежным окончанием e (LUGĀL- e). При этом весьма интересно, что LUGAL „царь“ встречается также в надписи царя Менуа из сел. Кохбанц (УКН, 89), которая, кстати, повторяет и некоторые другие слова публикуемой надписи ($barzanî zieldî$). После LUGĀL- e читается слово $ardulî$ ($ar-du-li$), которое по своей форме является переходным глаголом III лица единственного числа будущего времени или же I лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности ($ard(u)$ -представляет собой распространенную с d основу от известного глагола $ar(u)$ „давать“; ср. $ardae$ „приношение?“). Дело в том, что эта (как и последующая) строка отсутствует в дошедшем до нас отрывке новой Адильджевазской надписи, поэтому трудно сейчас судить о том, имеем ли мы здесь формулу проклятия, следовательно—форму будущего времени переходного глагола, или же, быть может, эти две строки предшествовали формуле проклятия, поэтому здесь мы должны иметь прошедшее время переходного глагола.

В целом первую строку надписи, как нам кажется, можно расшифровать следующим образом:

...] TAG $bar-za-nî$ $zi-el-di$ LUGĀL- e^{11} $ar-du-li$

⁶ Кстати, на камне (это видно и на фотоснимке) нет места для такого углового клина.

⁷ Эта надпись является средней частью какого-то большого текста. В дошедшем до нас тексте не сохранилось ни имени, ни отчества царя.

⁸ Первый слог zi этого глагола здесь не сохранился.

⁹ M. Tseretheli, *Etudes ourartéennes*. „Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale“ (далее RA), № 4, XL, IV vol., 1950, Presses universitaires de France, стр. 185—192, ур. текст, стк. 30=ассир. текст, стк. 28. Ср. УКН, 264.

¹⁰ М. Церетели ассирийский глагол $saqu$ (порода II₁— $usîq$), равно как и урартский $zieldubi$, переводит „j'ai demembre“, „j'ai divisé“ („я расчленил“, „я разделил“).

¹¹ - e , по-видимому, является окончанием дательного падежа.

Вторая строка надписи начинается со знака -ni, который, по-видимому, является окончанием какого-то слова, высеченного в конце той же строки необнаруженного пока камня, стоящего с левой стороны нашего камня. Затем следует слово ali (a-li) и детерминатив LU („человек“, „народ“ или название профессий, категория людей) со словом a-di (?) - i-tè-ni. Здесь весьма любопытно, что второй знак последнего слова (см. 6-ой знак второй строки на фотоснимке и автографии надписи), который условно мы ранее считали разеовидностью знака di, в урартских лапидарных надписях встречается впервые, в то время как в глиняных табличках — несколько раз¹².

Оставляя в стороне другие ранее высказанные нами аргументы в пользу возможности чтения этого знака как di¹³, нам кажется также, что знак i этого слова, который следует за знаком, расшифрованным нами как di(?), также намекает, по-видимому, именно на такую огласовку этого знака (di(?)-i). Между тем, такое же явление прослеживается и в одной табличке, обнаруженной в 1955 г. на Кармир-блуре, в самом начале 8-ой строки которой мы читаем слово di(?)-i-tu-se¹⁴. При этом, значение dirtuše указанной таблички, как и ¹⁴adi-teni нашей надписи, в настоящее время невозможно установить, так как они в урартских надписях выступают лишь по одному разу и при не в вполне ясных контекстах.

Вторая строка надписи завершается двумя другими словами: zu-ma-gi a-su-li, первое из которых нам незнакомо по другим урартским надписям, в то время как второе является уже известным глаголом as и -(ср. as(u)-) с возможным значением „оставлять(?)“, „покидать(?)“, „отталкивать(?)“. Переходный глагол as(u)- в других надписях встречается в I лице единственного числа прошедшего времени (asili — УКН, 130, стк. 13; 155 В, стк. 24, D, стк. 28, E, стк. 11) и в III лице того же числа и времени (asuni — УКН, 29, стк. 6, 7). При этом от того же корня мы имеем также непереходный глагол с энклитической частицей -ul- (asulabi, asulani — УКН, 155 А, стк. 12, С, стк. 46; 24, лиц. стор., стк. 28, обор. стор., стк. 35)¹⁵. Что касается глагольной формы

¹² Н. В. Арутюнян. Новая клинописная табличка из раскопок Кармир-блуре. „Festschrift Johannes Friedrich“, Heidelberg, 1959, стр. 37, стк. 6 (три раза), 9 и прим. 3. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). Москва, 1959, табл. XXXIII (слева), стк. 8 (первый знак строки). Этот же знак три раза встречается и в двух других, пока-что неопубликованных клинописных табличках, обнаруженных в 1957 г. при раскопках Кармир-блуре.

¹³ Было высказано также предположение, что под ним следует усмотреть дигитур -ue. См. З. З. Чиршчян. Урартские клинописные надписи III-го тысячелетия до н.э. „Восточный журнал“, 1960 №10, стр. 80—81; Автор пытался корректировать нашу публикацию. Ср. „Festschrift Johannes Friedrich“, 1959, стр. 35—51; „Историко-филологический журнал“, 1958, № 3, стр. 201—213.

¹⁴ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). табл. XXXIII (фотоснимок слева).

¹⁵ Ср. глаголы: terubi и terulubi, suidubi и suidulubi и т. д.

asulī публикуемой надписи, то в данном случае мы имеем, по-видимому, переходный глагол III лица будущего времени, или же I лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности. В случае возможности последней интерпретации, быть может, объектами этого глагола являются ¹⁶adiṭeni(?) и zumagi.

Таким образом, вторую строку надписи мы считаем возможным расшифровать так:

...]-ni a-li ¹⁶a-di(?)-i-ṭè-ni zu-ma-gi a-šú-li

Третья строка надписи начинается с BE.LI¹⁶ „оружие“ (от аккадского слова bēlu), затем следует его эпитет ga-zu-li „прекрасный“, „отличный“, „хороший“. Здесь мы имеем лишь второе упоминание слова gazulī. Оно встречается в названной Адыльджевазской надписи и в известной Келяшинской билингве царей Ишпуини и Менуа. Согласно последней и удалось установить значение этого слова. В этой двуязычной надписи урартскому gazulī¹⁷ соответствует ассирийское слово damqu.

Начиная с третьей строки и вплоть до 11-й, надпись в основном совпадает с новой Адыльджевазской надписью, поэтому в дальнейшем мы будем стараться, по мере возможности, на этом основании восстановить некоторые недостающие части Кармир-блурской надписи, а следовательно, и недостающие отрывки Адыльджевазской надписи согласно Кармир-блурской.

Итак, в продолжении третьей строки Кармир-блурской надписи читается слово teirdulini (графически te-ir-du-li-ni), которое по своей форме является переходным глаголом I лица будущего времени или I лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности¹⁸. Этот глагол образован от глагольной формы te(i)r(u)- „класть“, „ставить“, „поставить“ с распространенной в урартском основой d. Далее следует непонятное слово šisini (ši-si-ni)¹⁹, которое в урартских надписях встречается лишь второй раз (впервые — в новой Адыльджевазской надписи).

Третью строку надписи мы считаем возможным транскрибировать следующим образом:

...| BE.LI ga-zu-li te-ir-du-li-ni ši-si-ni

Согласно Адыльджевазской надписи, в этой строке левостороннего камня нашей надписи, перед BE.LI были высечены, по всей вероятности, слова ...ku-ul-tu-li-ni a-li-e, следовательно указанная

¹⁶ Другие упоминания BE-LI см. в следующих урартских надписях: УКН, 25, стк. 5, 10; 27, стк. 7, 41; 155 G, стк. 9. Р. Hulin, ук. соч., надпись № 1, стк. 2, 4.

¹⁷ Р. Hulin, Указ. соч., надпись № 1, стк. 2; С. F. Lehmann-Haupt, Corpus Inscriptionum Chaldaicarum I, Berlin und Leipzig, 1928, стр. 24 сл., № 12, ур. текст, стк. 9 (дважды)=ассир. текст, стк. 8 (дважды). Ср. Г. А. Меликишвили, УКН, 19.

¹⁸ Глагольная форма teirdulini см. также в надписях УКН, 63, стк. 5; 64, стк. 8; 142, стк. 7. Р. Hulin, указ. соч., надпись № 2, стк. 2—3.

¹⁹ Ср., быть может, урартское слово šisini „один“?

строка Кармир-блурской надписи мы склонны восстановить следующим образом:

...<ku-ul-mu-li-ni a-li-e> ВЕ. LI ga-zu-li te-ir-du-li-ni si-si-ni²⁰

Переходим к расшифровке четвертой строки надписи. Здесь в начале строки читается -li, а затем a-še²¹; -li, по-видимому, является окончанием какого-то слова, которое должно быть в конце той же строки левостороннего камня. Затем, в 4-й строке имеется слово esi (e-si) „место“. Следует глагольная форма mapuli (ma-pu-li) „были“, „существовали“ (ср. распространенное выражение agunipili mapuli). Указанная строка завершается словами išahini (i-sa-hi-ni) и teirdube (te-ir-du-be?), первое из которых в урартской клинописи встречается лишь второй раз. Быть может, оно до некоторой степени, имеет общность со словом išapi- „с той стороны“²². Что касается слова teirdube, то оно является известным переходным глаголом teird(u)- в I лице единственного числа прошедшего времени. Этот же глагол в нашей надписи как известно уже встречался в третьей строке в форме teirdulini. Он упоминается, как это мы увидим ниже, также в 5-ой и 9-ой строках публикуемой надписи, опять-таки в форме teirdulini. Как это наглядно видно, в рассматриваемой IV строке глагол teird(u)-выступает без указания на объект (или же с объектным показателем единственного числа?), в то время как во всех остальных случаях—с объектным показателем множественного числа. В связи с глаголом teirdube следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: конечный знак -be(?), вероятно, за неимением достаточного места (на что указывает Адылджевазская надпись (стк. 3), где вместо be(?) налицо -li-ni), высечен несколько косо (см. фотоснимок и автографию надписи стк. 4; по своему начертанию он несколько похож на lis(s)). Что касается подобного окончания глагола, то аористные формы переходного глагола в I лице единственного числа, как и непереходные III лица единственного числа, в урартском закономерно принимают окончания как -bi, так и -be (ср. kutubi и kutube²³, uštabi и uštabe²⁴ и т. д.).

²⁰ Ср. новую Адылджевазскую надпись—Р. Hulin, указ. соч., надпись № 1, стк. 2. На это довольно наглядно намекает также сохранившийся знак šī в конце 1-й (на автографии 2-й, первая строка, как видно, повреждена почти полностью) строки Адылджевазской надписи, который несомненно является началом слова sisini этой строки нашей надписи. Kulmulini II. Хюлен сопоставляет с kulmele—см. ук. соч., стр. 192, прим. 7.

²¹ Ср. новую Адылджевазскую надпись, стк. 3 (=в сохранившейся части надписи стк. 2).

²² УКН, 28, верхн. стор., стк. 9, 13; 155 F, стк. 13; 266, стк. 12. Общеизвестно, что притяжательные суффиксы -ni и -hini в урартском особенно в конце топонимических названий, как правило, чередуются (ср. KUREtiuni и KUREtiuhini, KURUellikuni KURUellikuhini и т. д.).

²³ УКН, 36, стк. 10 и т. д. и 58, стк. 25; 160, стк. 7.

²⁴ УКН, 21, стк. 4 и т. д. и 23, стк. 1; 39, стк. 1, 6.

Итак, на основании вышесказанного считаем целесообразным IV строку надписи расшифровать следующим образом:

...]-li a-se e-si ma-nu-li i-ša-ḫi-ni te-ir-du-be(?)²⁵

Пятая строка надписи начинается опять-таки с глагола teird(u)-(te-ir-du-li-ni). Затем налицо идеограмма Ё „дом“ со словом adunusini (a-du-nu-si-ni). Это последнее слово в урартской клинописи в целом встречается впервые, поэтому невозможно сейчас установить его хотя бы приблизительное значение. Однако, несомненно, что оно является эпитетом к идеограмме „дом“ и указывает, по всей вероятности, на вид или характер данного сооружения. На это, как нам кажется, намекает также суффикс -nusi(ni)²⁶. В урартской клинописи, как известно, встречаются и другие подобные комбинации, как Ё urishusi(ni), Ё sirsi-ni(e) Ё barzudibiduni и т. д., первое из которых, например, означает „дом оружия“ или „оружейный (= „арсенал“)“. Между тем, вероятно, от основы adu- того же слова adu-nusi(ni) мы имеем глагол adulie (a-du-li-e), который в урартской клинописи встречается лишь один единственный раз, в одной из трудно поддающихся интерпретации надписей Сардури II, происходящих из развалин Аргиштихинили—Армавира²⁷.

После уже рассмотренной комбинации Ё adunisini, в V строке упоминается имя царя Руса 'Ru-sa-a-šē—составителя данной надписи, к сожалению без указания на его отчество. Можно было бы высказать мнение, что отчество царя, по всей вероятности, было высечено в следующей, VI строке левостороннего камня, однако новая Адылджевазская надпись как будто полностью отвергает такое мнение, так как хотя имя Руса там встречается (в обоих случаях) в начале строк²⁸ (а не в конце строк, как в нашей надписи), тем не менее и там отсутствует отчество царя, следовательно мы лишены возможности сказать что-нибудь определенное в отношении принадлежности нашей надписи (да и Адылджевазской надписи) тому или другому царю по имени Руса (отчество царя, вероятно, фигурировало в начале текста, т. е. на недостающих верхних камнях).

Таким образом, для V строки надписи мы предлагаем следующее чтение:

...]- te-ir-du-li-ni Ё a-du-nu-si-ni 'Ru-sa-a-šē

При этом, Адылджевазская надпись прямо подсказывает, что в начале этой же строки левостороннего камня нашей надписи, по всей

²⁵ Этой строке соответствует стк. 3 новой Адылджевазской надписи, где читается: a-še e-si ma-nu-li i-ša-ḫi-ni te-ir-du-li-ni a-li-e ú-]]. Следовательно, вполне возможно, чтобы следующая строка левостороннего камня Кармир-блурской надписи начиналась с a-li-e ú-]]. Отметим, что П. Хюлен в своей публикации знак I слова išaḫini присоединяет к предыдущему maḫili, а также в знаке ša видит его идеографическое значение NIG „дар, подарок“ „посвящение“.

²⁶ Ср. хотя бы URU LUGAL-nusi „город царский“ (= „столица“).

²⁷ УКН, 169, стк. 10.

²⁸ См. Адылджевазскую надпись, стк. 4, 7.

вероятности, были высечены также $a-li-e\ i-ni\ \acute{u}-[\dots]$, следовательно мы склонны для данной строки Кармир-блурской надписи, в целом, предложить следующую транскрипцию:

$\langle a-li-e\ i-ni\ \acute{u} \rangle - [\dots]\ te-ir-du-li-ni\ \acute{E}\ a-du-nu-si-ni\ 'Ru-sa-a-\acute{s}e^{29}$

Шестая строка публикуемого текста начинается знаком $-\acute{s}e$, который является, очевидно, окончанием слова *kumemuse*, имевшегося в конце этой же строки камня, установленного в стене слева нашего камня. На это указывает опять-таки новая Адылджевазская надпись (стк. 4). Затем читается *BE. LI* „оружие“ и знак *eI*, который, несомненно, выступает в данном случае в его идеографическом значении, так как он стоит между упомянутым *BE. LI* и выражением $^D\text{Haldinani KA}$ („от (из) бога Халди ворот“). Между тем знак *eI*, т. е. идеографически *SIKIL* в аккадской (ассировавилонской) клинописи имеет следующие значения: *EBEBU* „чистый, невинный“, *ELÉLU* „светлый, ясный, яркий“ (переносное значение: „звонкий“), *ELLU* „чистый, светлый, ясный, яркий, веселый, радостный“ и т. д. и т. п.³⁰ Следовательно, вполне ясно, что эта идеограмма с возможным значением „чистый“, „яркий“, „освященный“ и т. д. указывает именно на состояние, качество или предназначение оружия (*BE. LI*)³¹. После указанной комбинации в 6-й строке текста читается $^D\text{Hal-di-pa-ni KA ha-ú-li}$. Выражение *BE. LI SIKIL ^DHal-di-pa-ni KA ha-ú-li*, как любезно указал академик АН Грузинской ССР Г. А. Меликишвили, следует перевести таким образом: „Освященное(?) (богом) оружие от ворот бога Халди я унес“. В основном соглашаясь с предложенным переводом, мы склонны, все же, констатировать тот факт, что обнаруженные отрывки Кармир-блурской и Адылджевазской надписей, на наш взгляд, в общих чертах передают формулу проклятия этой строительной надписи. На это, как нам кажется, красноречиво намекает также слово (относительное местоимение) в эргативном падеже *aluše* „кто“, „который“, встречающееся в IV строке Адылджевазской надписи и предшествующее в общем тексте (см. ниже полную транскрипцию Кармир-блурской надписи — стк. 6) выражениям *KÙ kumemuse* и *BE. LI SIKIL ^DHal-dinani KA hauli*. Следовательно, глагол *haulì*, по нашему мнению, следует воспринять не в прошедшем, а скорее в будущем времени. Поэтому общее выражение *aluše KÙ kumemuse BE. LI SIKIL ^DHal-dinani KA haulì...* мы склонны перевести так: „кто освященное(?) *kumemuse* (и) оружие освященное(?) от ворот бога Халди унесет...“.

Следовательно, VI строку надписи, по нашему мнению, можно расшифровать следующим образом:

²⁹ Ср. стк. 3—4 Адылджевазской надписи.

³⁰ А. Deimel, *Šumerisches Lexikon*, стр. 1037, № 564 (2, 3, 4).

³¹ Возможно под *BE. LI* „оружие“ следует подразумевать *aše* „щит“ см. стк. 4 и 7 надписи). Любопытно, что в Адылджевазской надписи *BE. LI* выступает с *SIKIL*, а *kumemuse* с *KÙ* (стк. 4), в то время как *SIKIL* и *KÙ* имеют примерно одинаковое значение: „чистый, святой, освященный(?)“.

...|šē BE. LI SIKIL. ^DHal-di-na-ni KA ḥa-ú-li

Адылджевазская надпись, очевидно, дает возможность эту строку левостороннего камня нашей надписи восстановить полностью, поэтому для IV строки Кармир-блурской надписи, в целом, мы предлагаем следующее чтение:

<a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu>-šē BE. LI SIKIL. ^DHal-di-na-ni KA ḥa-ú-li³²

Седьмая строка надписи начинается знаками а, се, которые, как на это указывает Адылджевазская надпись (стк. 5), следует воспринять в смысле а-се „щит“. Затем следует какое-то непонятное слово su-pu-e (это слово впервые выступает в Адылджевазской надписи — стк. 5), которое, по-видимому, стоит в родительном или дательном падеже единственного числа. Дальше в этой строке имеется глагольная форма iruiduli (ср. irid(u)- „изменять (место)“ — i-ri-du-li-e, УКН, 20, обор. стор., стк. 25). Это слово по своей форме является переходным глаголом I лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественного числа-li, но здесь, по-видимому, мы имеем форму будущего времени, на что, как-будто, указывает слово a-lu-še предыдущей строки Адылджевазской надписи, которое закономерно выступает в формулах проклятия урартских надписей (кстати, приведенный выше глагол irid(u)-также выступает в формуле проклятия). В продолжении VII строки Кармир-блурской надписи расшифруются знаки ku, me, mu, se, giš. Быть может, первые четыре знака следует рассматривать как одно слово (китетише), как это мы увидели в IV строке Адылджевазской надписи, которое, кстати, фигурирует там между KÙ и BE. LI SIKIL. Что касается знака giš в конце этой строки, то мы склонны воспринять его в идеографическом значении GIŠ „дерево“, которое в урартских надписях выступает, как правило, вместе с šarī „(фруктовый) сад“, uldi (GEŠTIN) „виноградник, вино“, ^{sam}še „хлеб“ (в поле), GIGIR „колесница“ и т. д. и служит детерминативом для приведенных и других слов и идеограмм. Однако, как видно, GIŠ нашей надписи стоит в самом конце седьмой строки, поэтому вряд ли он может быть детерминативом к какому-нибудь подобному слову следующей строки, так как детерминативы, как известно, неразделимы от соответствующих слов или идеограмм. Следовательно, мы склонны его считать скорее всего самостоятельным словом (идеограммой) „дерево“³³. И если нашу надпись считать строительной (а между тем по своему словарному фонду она как-будто больше всего напоминает строительные надписи, хотя в дошедшем до нас отрывке, по-видимому, в основном сохранилась формула проклятия против лиц, угрожающих строительным мероприятиям и т. д. царя), то подобное восприятие GIŠ может оправдать себя, так

³² Ср. стк. 4 Адылджевазской надписи.

³³ В таком смысле оно выступает также в надписях УКН, 27, стк. 29, 90; 276, лиц. стор., стк. 26.

как в строительных надписях урартских царей, как правило, повествуется о разведении садов, виноградарства и т. д. при тех или других крепостях и культовых объектах³⁴.

Следовательно, для седьмой строки нашей надписи мы предлагаем следующую расшифровку:

...] a-se su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-se³⁵ Glš³⁶

Однако, новая Адылджевазская надпись, к счастью, призвана полностью восстановить также эту строку, т. е. соответствующий отрывок недостающего левостороннего камня нашей надписи. Итак, седьмая строка Кармир-блурской надписи, в целом, на наш взгляд должна была выглядеть так:

<NA₄ a-ḥu-li-i-ni³⁷ a-li-e> a-se su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-se
Glš

Вполне вероятно, что под NA₄ Адылджевазской надписи следует подразумевать „камень“, „стела“ (с надписью), aḥulini — глагол в будущем времени и alie — относительное местоимение „который“ (а не глагол III лица настоящего времени „говорит“?).

В начале VIII строки читается...]-mu-li-ni. И здесь Адылджевазская надпись прямо указывает на то, что первый слог а- этого слова остался в самом конце этой же строки левостороннего камня надписи, следовательно вполне понятно, что в данном случае мы имеем дело со словом [a]-mu-li-ni, которое в урартских надписях встречается впервые. Быть может оно является глаголом в будущем времени от глагольной основы (корня am(u)- (ср. am-ašt(u)-, как, скажем, sid(u)- и sid-ist(u)). В продолжении данной строки налицо идеограмма KI „земля“ с аккадским фонетическим компонентом TIM, т. е. ERŠITU > ER-ŠITIM³⁸ и, вероятно, с урартским дополнением -а, так как соответствующее урартское слово оканчивается на -а (qī(u)ga); хотя не исключена также возможность в -а усмотреть окончание множественного числа местного падежа. Далее расшифруется слово quldiṇi „пустынный“, которое в урартских надписях закономерно выступает или с идеограммой KI, или же с урартским ее эквивалентом qī(u)ga, которые означают „земля“. При этом выражение qī(u)gaṇi quldiṇi (maṇi), как правило, выступает в строительных надписях³⁹. Затем в VIII строке читается a-li³⁹ KÜ. Весьма любопытно, что эта строка нашей надписи полностью совпадает с шестой строкой Адылджевазской над-

³⁴ См., например, УКН, 27, стк. 28, 29, 30, 86, 87, 90; 65, стк. 12, 13, 15; 172, стк. 1 и т. д. и т. п.

³⁵ Б. м. ku-me-mu SE (ср. (Glš). šAMŠE).

³⁶ Замечу, что комбинация предыдущего знака še и данного Glš с добавлением еще знака ni дает в аккадском šamaššammi „сезам“, купжук. См. Friedrich Delitzsch, Assyrische Lesestücke, Leipzig, 1912, знак № 212.

³⁷ Ср. aḥulie в УКН, 65, стк. 31.

³⁸ УКН, 137, стк. 6; 138, стк. 7—8; 268, стк. 6, 12—14 и т. д. и т. п. Лишь в одной надписи (УКН, 136, стк. 4) вместо quldiṇi выступает слово širabae „необитаемый(?)“.

³⁹ В УКН, 268, стк. 6 a-li выступает между KITIM и quldiṇi.

писи, где, кроме того, в конце имеется еще выражение . . . iš-ti-ni ma-pu| которое, несомненно, было высечено в начале следующей строки нашей надписи, на недостающем левостороннем камне.

На основании вышесказанного можно привести следующую транскрипцию VIII строки текста.

...| <a>-mu-li-ni KI^{ТМ}-a qul⁴⁰-di-ni-ni a-li⁴¹ KÙ⁴²

В девятой строке надписи ничего нового нет. Она является словным повторением V строки, за исключением того, [что первые слоги te-ir глагола teirdulini остались в конце IX строки отсутствующего левостороннего камня. Кроме того, слова iš-ti-ni ma-pu конца VI строки Адылджевазской надписи, несомненно, были высечены в начале IX строки левостороннего камня Кармир-блурской надписи. Исходя из вышесказанного, полный(?) текст разбираемой строки нашей надписи будет:

<iš-ti-ni ma-pu te-ir>-du-li-ni Ê a-du-pu-si-ni 'Ru-sa-a-še

Десятая строка начинается знаком -ni, который, несомненно, является окончанием имени бога Халди (...<^DHal-di>-ni...), о чем свидетельствует опять-таки Адылджевазская надпись⁴³. Затем фигурирует идеограмма Ê „дом“ и глагол ašduli. Последний по своей форме представляет переходный глагол в III лице будущего времени или же в I лице единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественного числа. Этот глагол встречается также в билингве Топузава в таком же лице, числе и времени, однако без указания на объект (или с объектным показателем единственного числа). Здесь урартскому aš-du-[bi] соответствует, по-видимому, ассирийское as-[ku]-ип⁴⁴ (от šakanu), „делать“ „превращать“ и т. д.⁴⁵, Имея в виду общий смысл дошедшего до нас отрывка надписи (формула проклятия?), мы склонны этот глагол в нашей надписи воспринять в форме будущего времени.

Далее в указанной строке читается незнакомое по другим надписям слово ĩa-ab-ti-ni⁴⁶, а затем расшифруются знаки: qí, ma, pu, ni. Быть может знак qí следует воспринять в его идеографическом зна-

⁴⁰ В Адылджевазской надписи qí-ul.

⁴¹ В Адылджевазской надписи a-li-e.

⁴² См. René Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, Paris, 1952, знак № 468.

⁴³ Стк. 6. Хотя здесь, как и в некоторых других словах, в конце имени бога Халди после -ni имеется еще -e (ср. alie стк. 6 Адылджевазской и ali стк. 8 Кармир-блурской надписи, а также соответственно asdulie—стк. 7 и ašduli—стк. 10 и т. д.).

⁴⁴ M. de Tseretheli, RA, № 4, XLIV, 1950, стр. 185 сл., урартск. текст стк. 23=ассир. текст, стк. 22; Г. А. Меликишвили, УКН, 264.

⁴⁵ Глагол ašd(и)- в урартской клинописи выступает также в написании aš(и)-, которое встречается, как правило, в выражении LU'buḡa ERUM aštubi „я-поработил“ (букв. „я-сделал рабом“, „я-превратил в раба.“). УКН, 40, лиц. стор., В, стк. 8; 128В1, стк. 18, 39; 155А, стк. 17, F, стк. 20; 156В1, стк. 7; 265, стк. 3; 266, стк. 3.

⁴⁶ Трудно судить, передает ли здесь ĩni значение „имя, название“ или же совпадает с этим урартским словом совершенно случайно.

чение KIN (=ассир. ŠIPRU), „известие“, „послание“, „письмо“ и т.д.⁴⁷, тогда следующие за ним три знака дают неправильный урартский глагол *ma(u)*- „быть“, „существовать“ в III лице единственного числа (*ma-pi-pi*)⁴⁸. Между тем этот же глагол (но во множественном числе) выступает также в IV строке публикуемой надписи. И если это наше толкование может быть так или иначе правдоподобным, то мы склонны предыдущее слово *habtini* считать именем прилагательным к идеограмме (имени существительному) KIN(?), т. е. оно, возможно, указывает на вид или характер данного послания. Однако не исключена также возможность, что здесь мы имеем новый глагол *qī-ma(u)*- (*qī-ma-pi-pi*), и тогда слово *habtini* можно рассматривать в качестве прямого объекта к этому глаголу. Скажем также, что этой строке нашей надписи соответствует стк. 7 Адылджевазской надписи с той только разницей, что 'Rusase в публикуемой надписи остался в конце предыдущей IX строки, и последние слова этой строки были высечены, по всей видимости, на недостающем правостороннем камне надписи из Адылджеваза.

Исходя из вышесказанного, приводим (с соответствующими восстановлениями) расшифровку 10-й строки Кармир-блурской надписи.

<a-li a-li-e ^DHal-di>-ni É as-du-li ha-ab-ti-pi KIN(?)⁴⁹ ma-pi-pi

Одиннадцатая строка, как и предыдущая десятая, начинается со знака -pi, который, по всей вероятности, является окончанием слова *askateni* VIII строки Адылджевазской надписи; следовательно, это слово осталось в конце XI строки левостороннего камня Кармир-блурской надписи. Затем здесь имеется слово *si-e-du-li*, которое представляет, по-видимому, глагол в будущем времени, хотя по своей форме он может быть также переходным глаголом I лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности. От этой основы в урартской клинописи мы имеем слово *si-e-du-ū-e*⁵⁰ (вариант *ši-e-di-ū-e*⁵¹) „вытекающий(?)“ „выходящий(?)“. Что касается интересующей нас формы *šiedili*, то она выступает в Кешишгельской надписи Руса I(?)⁵², в надписи из Хаги Аргишти II⁵³, а также в новой Адылджевазской надписи (стк. 8) Руса II(?). После упомянутого глагола в нашей надписи встречается известное, но трудно поддающееся толкованию, выражение *me-i e-ši-me-ši el-mi-še* (УКН, 27, стк. 31, 94; 143, стк. 2; 169, стк. 13; новая Адылджевазская надпись, стк. 8, 11).

⁴⁷ A. Deimel, *Šumerisches Lexikon*, № 538 (10); Fr. Delitzsch, *Assyrische Lesestücke*, № 299.

⁴⁸ УКН, 169, стк. 13; 268, стк. 24; 280, стк. 12 и т. д.

⁴⁹ Или *qī*, тогда вместе со следующим словом будет *qī-ma-pi-pi*.

⁵⁰ УКН, 276, обор., стк. 14.

⁵¹ УКН, 268, стк. 26.

⁵² *Ši-e-du-li-[e]*. УКН, 268, стк. 28.

⁵³ *Ši-e-du-li-n[i]*. M. de Tseretheli, *Études ourartéennes* (VI. L'inscription de la siècle de Hagl), RA, 1958, LIIe volume, № 1, стр. 29–36, стк. 22 оборотной стороны надписи. Ср. УКН, 276, обор. стор., стк. 22.

При этом любопытно, что во всех четырех надписях, без единого исключения, за указанным выражением следует слово тапи́и (неправильный глагол тап(и)- „быть“, „существовать“), поэтому мы считаем вполне вероятным, что в начале XII строки нашей надписи (на обнаруженном левостороннем нижнем камне) должно было фигурировать слово тапи́и.

На основании нашей и Адылджевазской надписей можно дать следующее чтение XI строки:

<GÍR BAR aš-ka-tè⁵⁴>-ni si-e-du-li me-i e-si-me-ši el-mu-še

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы считаем возможным для обнаруженного отрывка Кармир-блурской надписи, а также на основании новой Адылджевазской надписи отчасти и для еще обнаруженного левостороннего среднего камня предложить следующую транскрипцию:

.....
 1(1) TAG bar-za-ni zi-el-di LUGAL-e ar-du-li
 1(2) ni a-li ⁵⁴a-di(?) i-tè-ni zu-ma-gi a-šú-li
 1<ku-ul-mu-li-ni a-li-e>⁵⁵ (3) BE-LI ga-zu-li te-ir-du-li-ni ší-si-ni
 1(4) li a-še e-si ma-nu-li i-šá-hi-ni te-ir-du-be(?)
 <a-li-e i-ni ú⁵⁶>-[..... 1(5) te-ir-du-li-ni E a-du-nu-si-ni ⁵⁷Ru-sa-a-se
 <a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu>⁵⁷ (6) še BE-LI SIKIL. ⁵⁸hal-di-na-ni KA' ha-ú-li
 <NA₄ 'a-hu-li-i-ni a-li-e>⁵⁸ (7) a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-še GÍŠ
 a>⁵⁹ (8) mu-li-ni KI⁵⁹ a qui-di-ni-ni a-li KÙ
 <iš-ti-ni ma-nu> [te-ir] (9) du-li-ni E a-du-nu-si-ni ⁶⁰Ru-sa-a-še
 <a-li a-li-e ⁶¹naí-di>- (10) ni É aš-du-li ha-ab-ti-ni KIN(?) ma-mu-ni
 <..... GIR BAR aš-ka-tè>⁶² (11) ni si-e-du-li me-i e-si-me-ši el-mu-se
 <ma>-[nu-ni⁶³.....

Кроме того, в Адылджевазской надписи имеются еще три строки (X—XII), которые вовсе отсутствуют на нашем Кармир-блурском камне и, по-видимому, были продолжением текста нашей надписи. Исходя из соотношения Адылджевазского и Кармир-блурского камней с надписью, мы склонны думать, что текст этих строк, по-видимому, был помещен, в основном, на левостороннем нижнем камне

⁵⁴ П. Хюлен расшифрует как ne См. Р. Нипп, указ. соч., стк. 8 надписи.

⁵⁵ См. стк. 2 Адылджевазской надписи. Здесь и ниже указание на строки приводится согласно нумерации в транскрипции П. Хюлена. При этом стк. 2 в этой транскрипции по существу соответствует строке 1 сохранившейся части надписи, так как 1-я строка уничтожена почти полностью. Скобки <.....> означают восстановления согласно Адылджевазской надписи, {.....}—восстановления согласно другим надписям.

⁵⁶ См. стк. 3 Адылджевазской надписи.

⁵⁷ См. стк. 4 Адылджевазской надписи.

⁵⁸ См. стк. 5 Адылджевазской надписи.

⁵⁹ См. стк. 6 Адылджевазской надписи.

⁶⁰ См. стк. 6 Адылджевазской надписи и стк. 5 Кармир-блурской надписи.

⁶¹ См. стк. 7 Адылджевазской надписи.

⁶² См. стк. 8 Адылджевазской надписи. Быть может, следует восстановить <a-li-e ú-i nš-ta-ku-ni aš-du-li> (см. стк. 9 Адылджевазской надписи).

⁶³ См. стк. 8 Адылджевазской надписи.

Адыльджевазская надпись

- (1) [.]

- (2) ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE·LI ga-zu-li-e te-ir-du-li-ni š⁶⁴
 -<si-ni li>⁶⁵
- (3) a-še e-si ma-nu-li i-~~sa~~-hi-ni⁶⁶ te-ir-du-li-ni a-li-e i-ni
 ú-[.] <te-ir-du-li-ni E a-du-nu-si-ni>⁶⁷
- (4) ¹Ru-sa-a-še a-li a-lu-še KÜ ku-me-mu-še BE·LI SIKIL ^DHal-
 -di-<na-ni KA ha-ú-li>⁶⁸
- (5) NA₄ 'a-hu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-ki ku-me-mu-
 -še GIŠ⁶⁹
- (6) a-mu-li-ni KI^{TIM}-a qu-ú-di-ni-ni a-li-e KÜ iš-ti-ni ma-nu
 <te-ir-du-li-ni E a-du-nu-si-ni>⁷⁰
- (7) ¹Ru-sa-a-še a-li a-li-e ^DHal-di-ni-e E aš-du-li-e ha⁷¹-<ab-
 -ti-ni KIN(?) ma-nu-ni⁷²
- (8) GİR BAR áš-ka-~~te~~⁷³-ni šⁱ-e-du-li-ni me-i e-šⁱ-me-šⁱ el-
 -mu-še ma-[nu-ni]
- (9) a-li-e u⁷⁴ i uš-ta-ku-ni áš-du-li-ni šⁱ-e-du-li-ni me-i e⁷⁵
 -<šⁱ-me-šⁱ el-mu-še ma⁷⁶-[nu-ni]
- (10) ^DHal-di-ni-i a-ma-ni i-gi-di ib-hi-e⁷⁷ ^DHal-di-ni [.]

- (11) 'a-hu-li-ni⁷⁸ KI^{TIM}-a qul-di-ni-ni me-i e-šⁱ-me-šⁱ el-mu-še <ma⁷⁹-
 -[nu-ni]

⁶⁴ Этот знак сохранился полностью, однако П. Хюлен не приводит его в транскрипции, на основании, по-видимому, того, что он мог быть началом какого-то знака, например знака аг и т. д. Кармир-блурский текст надписи (стк. 3) полностью оправдывает наше чтение.

⁶⁵ См. стк. 3—4 Кармир-блурской надписи.

⁶⁶ П. Хюлен первый знак ¹ этого слова присоединяет к предыдущему глаголу тапили, а знак sa воспринимает в его идеографическом значении NI'G; в результате читает так: та-пи-ли-и NI'G-hi-ni.

⁶⁷ См. стк. 4—5 Кармир-блурской надписи.

⁶⁸ См. стк. 5—6 Кармир-блурской надписи.

⁶⁹ См. стк. 7 Кармир-блурской надписи.

⁷⁰ См. стк. 8—9 Кармир-блурской надписи.

⁷¹ П. Хюлен расшифрует за, хотя на фотоснимке (да и на автографии, составленной им) видно начало углового клина. Чтение ha согласно Кармир-блурской надписи, очевидно.

⁷² См. стк. 9—10 Кармир-блурской надписи.

⁷³ П. Хюлен читает как пе.

⁷⁴ В транскрипции П. Хюлена по описке и.

⁷⁵ Начало этого знака на камне, а также на фотоснимке (ср. автографию), сохранилось.

⁷⁶ См. стк. 11 Кармир-блурской и стк. 8 Адыльджевазской надписей.

⁷⁷ Разделение условно; возможно также а-та-пи-и gi-di-ib hi-e и т. д.

⁷⁸ Б. м. в самом конце предыдущей 10-й строки следует восстановить Na₄; ср. стк. 5 Адыльджевазской надписи.

⁷⁹ См. стк. 8 Адыльджевазской надписи. После выражения mei ešimešⁱ elmuše тапили закономерно выступает также в других подобных надписях урартской эпиграфики.

общего текста Кармир-блурской надписи, и отчасти на камне, стоящем ниже нашего камня (эти строки Адылджевазской надписи см. на стр. 110).

Само собой разумеется, что не только Адылджевазская надпись предоставляет определенную возможность для дополнения некоторых недостающих частей Кармир-блурской надписи, но и, наоборот, на ос-

Сводный текст Кармир-блурской и Адылджевазской надписей

- (1) [.] TAG bar-za-ni zi-el-di LUGÁL-e ar-du-li
 (2) [.] ni a-li a-di(?) i-te-ni zu-ma-gi a-šu-li
 (3) ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE-LI ga-zu-li-e⁸¹ te-ir-du-li-ni si-
 -si-ni [.] li
 (4) a-še e-si ma-nu-li i-ša-hi-ni te-ir-du-li-ni a-li-e i-ni ú-[. .
] te-ir-du-li-ni E a-du-nu-si-ni
 (5) Ru-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE-LI SIKIL DHal-
 -di-na-ni KA ha-ú-li
 (6) NA₄ 'a-hu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-
 -mu-še GIŠ [.
 (7) a-mu-li-ni KITM-a qu-ul⁸³-di-ni-ni a-li-e⁸⁴ KÙ i-š-ti-ni ma-
 -nu te-ir-du-li-ni E a-du-nu-si-ni
 (8) Ru-sa-a-še a-li a-li-e DHal-di-ni-e⁸⁵ É áš-du-li-e ha-
 -ab-ti-ni KIN(?) ma-nu-ni [.
 (9) GÍR BAR áš-ka-tè-ni še-e-du-li-ni⁸⁶ me-i e-ši-me-ši el-
 -mu-še ma-[nu-ni
 (10) a-li-e ú-i uš-ta-ku-ni áš-du-li-ni še-e-du-li-ni me-i
 e-ši-me-ši el-mu-še ma-[nu-ni
 (11) DHal-di-ni-i a-ma-ni i-gi-di ib-hi-e DHal-di-ni [.
⁸⁷
 (12) 'a-hu-li-ni⁸⁸ KITM-a qu-ul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ši el-
 -mu-še ma-[nu-ni

⁸⁰ Нумерация строк весьма условная. Величина строк обоих вариантов надписей не совпадает: строки Адылджевазского варианта надписи (которые в основном и мы берем при нумерации), очевидно, длиннее Кармир-блурского варианта. При нумерации лишь первых двух строк мы руководствуемся Кармир-блурским вариантом, так как они полностью отсутствуют в Адылджевазском варианте.

⁸¹ Кармир-блурский вариант конечный знак е опускает.

⁸² В Кармир-блурском варианте вместо li-ni налицо be(?) (см. фотоснимок и автографию надписи).

⁸³ В Кармир-блурском варианте вместо qu-ul налицо qu-l. Собственно говоря это последнее написание встречается также в последней строке Адылджевазской надписи (в этом сводном тексте стк. 12.)

⁸⁴ Кармир-блурский вариант конечный знак е опускает.

⁸⁵ В обоих случаях Кармир-блурский вариант конечные знаки е опускает.

⁸⁶ Кармир-блурский вариант конечный знак -ni опускает.

⁸⁷ Б. м. в самом конце этой строки фугурировала идеограмма NA₄; ср. стк. 6 сводного текста, где она предшествует глаголу 'ahilini.

⁸⁸ Здесь дополнительный знак l этого глагола после li опущен.

новании последней возможно дополнить ряд недостающих слов и выражений Адылджевазской надписи. Поэтому считаем целесообразным привести (см. стр. 48) также транскрипцию Адылджевазской надписи с соответствующими дополнениями и корректурой к публикации П. Хюлена.

Вполне возможно, что первые две строки Кармир-блурского варианта надписи предшествовали приведенному тексту Адылджевазской надписи, т. е. возможно, что они были высечены в самом конце еще необнаруженного верхнего камня и в 1-й поврежденной строке этой надписи.

Тщательное изучение обнаруженных отрывков Кармир-блурской и Адылджевазской надписей, как это наглядно видно, показывает, что они, в основном, сходятся почти с начала до конца, за исключением того, что в Кармир-блурском варианте отсутствуют последние три строки (9—11) Адылджевазского варианта, в то время как в последнем—первые две строки (1—2) Кармир-блурского варианта. Кроме того в этих вариантах надписи имеются некоторые несущественные различия чисто графического характера тех или иных слов. Для наглядности считаем целесообразным привести сводный текст обоих вариантов надписей (см. стр. 111).

Удивительное сходство, более того, просто тождественность Кармир-блурского и Адылджевазского отрывков надписей красноречиво свидетельствует о том, что эти одинаковые строительные и другие мероприятия как в городе-крепости Тейшебаини (Кармир-блур) и, возможно, на окружающей его территории, как и в районе Адылджеваза (северо-западное побережье озера Ван) были проведены, по всей вероятности, одним и тем же царем по имени Руса⁸⁹. При этом, хотя в обоих случаях, как это ни странно, в надписях отсутствует отчество царя, тем не менее имея в виду, что этими районами и территориями постоянно интересовался Руса II, мы склонны думать, что составителем интересующих нас надписей мог являться именно Руса, сын Аргишти. И если Кармир-блурский фрагмент 1936 г. является составной частью публикуемой надписи, то окончательно разрешится вопрос о принадлежности во всяком случае Кармир-блурского отрывка надписи.

* * *

Что можно сказать о содержании Кармир-блурского и Адылджевазского отрывков надписей?

Ввиду того, что оба они являются лишь частями больших текстов и к тому же отличаются весьма своеобразным словарным фондом, трудно поддающимся во многих своих деталях достоверному толкованию, мы воздерживаемся в настоящее время предложить какой-либо перевод для данных отрывков надписей. Укажем лишь вкратце на

⁸⁹ Район Адылджеваза был предметом постоянного внимания лишь двух урартских царей— Аргишти II и его сына Руса II.

некоторые существенные моменты, связанные с их содержанием, следовательно и с характером этих надписей.

На основании имеющихся в нашем распоряжении отрывков можно прийти к выводу, что надписи в целом содержали сведения о воздвижении, по-видимому, царем Руса культовых и, возможно, другого рода объектов (^DHaldinie É, ^DHaldinili KA, É adunusini), на территории, где земля раньше была пустынной (KITM-a quldinini), быть может и о разведении фруктовых садов и виноградников (GIS) в районах нововоздвигнутых сооружений, а также о каком-то жертвовании (TAG) в честь завершения этих сооружений, угрозу лицам (формулу проклятия?), осмелевшим, по тем или иным причинам разрушить или повредить воздвигнутые царем сооружения (aluše... teirdulini É adunusini, ^DHaldini É asduli) или же унести освященное оружие и т. д. от ворот бога Халди (aluše KÛ kumemuse BE. LI SIKIL ^DHaldinani KA hauli) и, наконец, осквернить и т. д. установленную надпись (NA, aḥulini), повествовавшую о вышеуказанных мероприятиях. Исходя из общего характера составленного нами на основании обоих отрывков надписей сводного текста, как нам кажется, следует заключить, что до нас дошли, в основном, лишь завершающие отрывки надписей, содержащие, может быть, формулу проклятия. Однако эта формула, в отличие от других подобных формул урартских надписей, представлена здесь настолько богато и разнообразно, что мы имеем довольно большие возможности для суждения не только об общем характере и содержании этих надписей в целом, но и о некоторых подробностях.

Нам кажется, что наши надписи в целом имели примерно такой характер, как одна из Армавирских надписей (УКН. 143), и повествовали, в основном, о строительной деятельности царя, хотя они содержали также некоторые моменты культового порядка.

С этой точки зрения, наша надпись содержала, как-будто, ряд элементов Звартноцской надписи Руса II—основателя Тейшебани (построение сооружений на необработанной ранее земле, разведение садов и т. д., жертвоприношение в честь указанных строительных мероприятий и, наконец, формула проклятия разрушителям сооружений и надписи, тем более, что мы имеем почти полное основание считать Кармир-блурские фрагменты надписей 1936 и 1939 гг. составной частью наших текстов).

* * *

В процессе напечатания этой статьи на Кармир-блуре было обнаружено огромное количество новых камней с надписями (9 цельных и 1 фрагмент). Согласно словарному фонду, количеству строк, палеографическим особенностям (ассирийский пошиб письма) и т. д., публикуемая надпись, как и фрагменты 1936 и 1939 гг., полностью примыкает к новонайденным текстам, хотя в настоящее время, в виду отсутствия некоторых других отрывков, невозможно установить место нашего камня в этой пространной надписи.

Предварительный разбор новонайденных текстов показывает, что они принадлежат Руса II и говорят о сооружении целого культового комплекса, т. е. не только Халдовых ворот (храма), домов adunusini и Халди, но и домов susi и sir(i)hani, а также Малого храма Халди. Далее следует повествование о жертвоприношении верховной триаде урартских богов (Халди, Тейшеба и Шивини), а также Уарубани (супруга Халди) и И(у)арша (Иубша). Надпись завершается формулой проклятия. Камни с надписью были установлены, по-видимому, в стенах здания юго-восточной части цитадели.

Новые отрывки надписи подсказывают, что под знаком конца четвертой строки публикуемой надписи следует усмотреть не be(?), а вариант знака li(?) (читай не teirdube(?), а teirduli). Затем, VI знак второй строки в настоящее время мы склонны расшифровать не di(?), а u-e или ue(?), следовательно не ^Lu-a-di(?)-i-te-ni, а ^Lu-a-ue(?)-i-te-ni (см. стр. 100, прим. 13).

Надпись, в целом, представляет значительный интерес для языка и истории урартийцев.

ԿԱՐՄԻՐ-ԲԼՈՒՐԻ ՆՈՐԱԳՅՈՒՏ ՍԵՊԱԳԻՐ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՐ

Ն. Վ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու լ մ)

Հոգիածր նվիրված է Գարմիր-բլուրում 1961 թ. հայտնաբերված սեպագիր արձանագրության վերծանությունը: Արձանագրությունը ամբողջական չէ և ներկայացնում է ընդհանուր մեծ տեքստի միայն մի մասը: Հետաքրքրական է, որ Գարմիր-բլուրի այդ արձանագրությունը բաղմամբով ընդհանրություններ ունի Ագիլջևիպոլիս (Վանա լճի հյուսիս-արևմտյան ափին) 1958 թ. հայտնաբերված մի արձանագրության հետ, ուստի հեղինակը այդ արձանագրությունների պակասամասերը համեմատել է վերականգնել միմյանց հետ համադրելու միջոցով:

Գարմիր-բլուրի և Ագիլջևիպոլիս արձանագրություններից մեկ հասած հատվածներում հիշատակվում է միայն թագավորանունը՝ Ռուսա (առանց հայրանվան): Մի շարք փաստերի հիման վրա, հոգիածագիրը հակում ունի կարծելու, որ նրանք, ըստ երևույթին, պատկանել են մ. թ. ա. VII դ. տրարտական թագավոր Ռուսա II-ին:

Արձանագրությունները, ընդհանուր առմամբ, հավանաբար կրել են շինարարական բնույթ (կրոնական և այլ կարգի շենքերի կառուցում), սակայն մեկ հասած հատվածները իրենցից ներկայացնում են եթե ոչ անեծքի ֆորմուլաներ, համեմալն զեպս յուրօրինակ ֆորմուլաներ՝ տրարտական արձանագրություններում արտահայտված անեծքի ֆորմուլաների նկատելի տարբերով, որոնք առանձնահատուկ են միմիայն հիշյալ Ռուսա թագավորի այս երկու արձանագրությունների տեքստերին: